

Яна Поплавская
о разводе
с Сергеем
Гинзбургом

«Я догадалась:
у мужа адюльтер.
Режиссер и
актриса — что может
быть пошлее?!»

Ирина Линдт
о Валерии Золотухине

«Я просила Бога:
«Если это такая любовь,
избавь меня от нее!»

Юрий Соломин
о брате

«Кое-кто
выставляет нас
с Виталиком чуть
ли не врагами»

Надежда
Каратаева-Папанова

«Играть спектакль
Толю привозили
под конвоем»

Ирина Слуцкая:

«Возможно, кто-то рассчитывал,
что мой муж поведет себя иначе...»

коллекция **КАРАВАН** историй

В НОМЕРЕ:

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

126

Павел Глоба
Нострадамус XX века

ПРОЗА ЗВЕЗД

42

Юрий Соломин
Вся жизнь — театр

76

Яна Поплавская
Совсем не страшная
история

стр. 142

14

Ирина Слуцкая
Я не верю в счастье
одиночества

142

Кира Прошутинская
Ирина

176

Надежда Каратаева
Роль второго плана

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины
Рождественской

116

Частная коллекция

170

Классика

стр. 176

стр. 170

ИРИНА СЛУЦКАЯ

Я НЕ ВЕРЮ
В СЧАСТЬЕ
ОДИНОЧЕСТВА

Если в Сережиной жизни
появится другая женщина,
не думаю, что сочту это
предательством.
И уж точно не стану
разрушать нашу жизнь.

Фото: Павел Щелканцев
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Оксана Тасуева
Продюсер: Екатерина Шутылева

ца и меха, но я не бегаяю, как многие, по редакциям и не кричу: «Эй, смотрите, у меня новая шуба из шиншиллы!» Ценности, которыми я дорожу, — это здоровье и спокойствие моей семьи. Их не купишь за деньги, не обменяешь на бриллианты, не получишь в подарок.

Не люблю жить напоказ. Не люблю хвастаться, считаю, что это неприлично. А еще высокие доходы и пустая болтовня о предметах роскоши могут у кого-то вызвать зависть и даже злость. Так зачем будить в людях эти чувства,

Твердо знаю одно, этому научили меня мои родители: деньги нужно заработать своим трудом, а не пройти через сорок четыре кровати

В 2006 году, после выступления на зимних Олимпийских играх, закончилась моя спортивная карьера. Мне было двадцать семь лет, на счету десять золотых, шесть серебряных и три бронзовые медали с Олимпийских игр, чемпионатов Европы и мира. И при этом я не имела ни малейшего представления о жизни вне спорта. Я человек активный, так что начала жадно глотать эту «реальную жизнь» даже не столовыми ложками, а просто суповыми половниками. Не скажу, что она показалась такой уж сладкой. Но ее солоноватый привкус не принес разочарования, он бодрит меня и делает сильнее. Сейчас я «играю в команде», окружена те-

ми, кого люблю. И для них готова на многое.

Не перестаю удивляться, как грубо, по-хамски некоторые журналисты вмешиваются в мою личную жизнь. Приписывают несуществующие любовные романы, выдумывают истории о скандалах и разводе с мужем Сергеем Михеевым. Я понимаю, такая в шоу-бизнесе тенденция: если ты появляешься на экране, у тебя «в комплекте» должны быть одежда от ведущих модных брендов и роман с крутым мужчиной. И если другая известная персона спит с миллиардером, видимо, считают, что и я поступаю соответственно.

Конечно, и у меня есть дорогие вещи, в том числе коль-

направлять их на себя? Да и надо понимать, что в жизни все временно. Сегодня у тебя есть счета в банке, слава, престижная работа, а завтра, вполне возможно, останутся лишь воспоминания.

Твердо знаю одно, этому научили меня мои родители: деньги нужно заработать своим трудом, а не пройти через сорок четыре кровати, чтобы на сорок пятой встретить мужчину, который будет тебя содержать. Я не из богатой семьи — не достались по наследству алмазные прииски и нефтяные скважины. Отец — педагог в колледже, преподает до сих пор, мама до выхода на пенсию работала инженером на автокомбинате. И первые свои деньги я за-

работала еще ребенком, в двенадцать лет.

Мы с мамой приехали погостить в Израиль, где жили бабушка и дедушка. В России в то время еду продавали по карточкам, а там изобилие — любые овощи, колбасы, соки. Глаз не могла отвести от паке- тиков с жевательными конфетами, шоколадками, жвачками. Так хотелось все это попробовать, ну просто до слез. Мой двоюродный брат в то время работал на заправке. Посмотрел, с каким вожделием за- сматриваюсь на разноцветные сладости, и предложил:

— Что ты дома сидишь? Пошли со мной. Заработаешь деньги, купишь себе чего захочется.

— Как это «заработаешь»? Я же школьница.

— Молча. Берешь скребок, ведро. Машина подъезжает — подходишь, стекла моешь.

Хозяин — человек глубоко верующий, женского персона- ла у него не было: запрещено, не принято. А я была маленькой, худенькой, волосы убери — пацан пацаном. Мне выдали джинсы, рубашку мальчиговую в клетку, кепку натянули на нос, серьги из ушей выгнали. В пять минут и следа не осталось от московской девочки.

Помню, как в шесть утра мы с братом выходили из дома и пешочком шли через весь город на нашу заправку. На небе еще светят звездочки, а я уже стою со скребком и ве- дерком, жду, когда подъедет первая машина. По пять часов

в день мыла стекла и мечтала: «Вот закончу работу, получу деньги, пойду в супермаркет и куплю что-нибудь необыкновенное». И мама, кстати, не брала денег у родных, хотя они и рады были оказать нам помощь, а работала по ночам посудомойкой. Зато мы обе чувствовали свою пусть не- большую, но все-таки независи- мость, а это очень приятно.

У меня уже тогда характер был жесткий, умела доби- ваться своего. И мучительно однообразный «день сурка», на котором ломаются многие спортсмены, не был для меня испытанием. Дело в том, что у фигуристов, ориентирован- ных на большой спорт, жест- кий график. Встаешь затемно, собираешься, едешь на трени- ровку. Разминка в зале, трени- ровка на льду, затем растяжка

в зале и хореография. При- ездаешь домой, поешь, обя- зательно поспишь — и вперед на вторую тренировку. Опять разминка, занятия на льду, общефизическая подготовка или хореография. Возвращаешься домой и в десять тридцать ло- жишься в кровать, спишь. Все. По-другому не бывает.

Когда пришло время гото- виться к чемпионатам мира и Олимпиадам, все стало еще на- пряженнее. Не смотрела филь- мов, не читала книг, не слу- шала музыки, каждое мгнове- ние было посвящено только предстоящим соревнованиям. Я была наивной, воспринима- ла жизнь как гонку за меда- лями, а свое место — только на пьедестале почета. Верила, что в спорте побеждает силь- нейший, что все зависит толь- ко от моего упорства и стара-

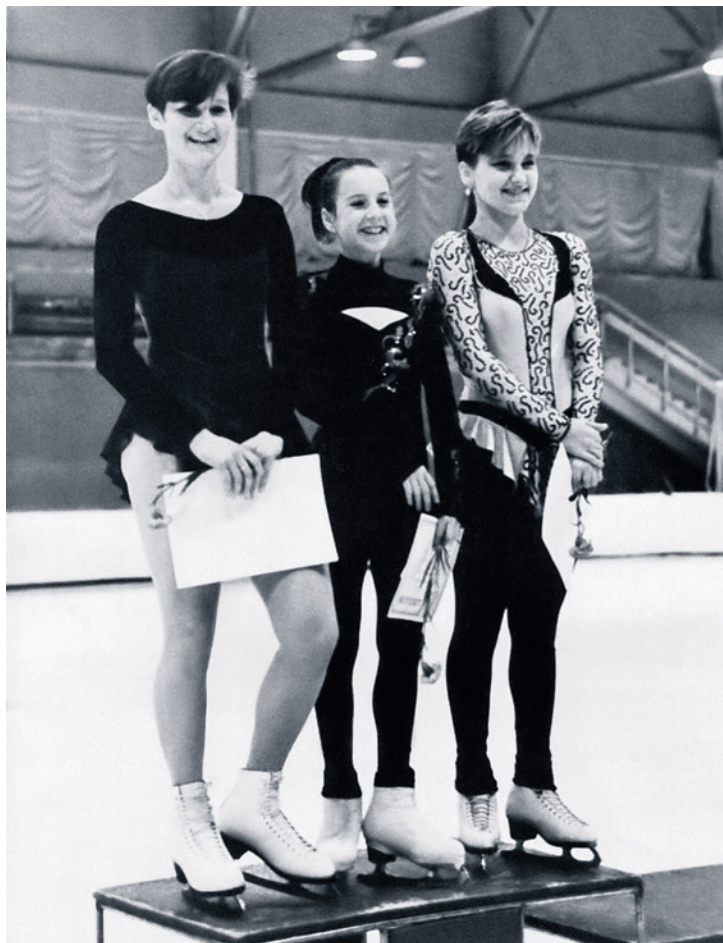
ния, и каждый раз шла на лед словно на амбразуру.

В 2002 году на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити пришло первое серьезное разочарование, я поняла: профессиональный спорт лишь на малую часть — соревнование достойных. В первую очередь это большой бизнес и политика.

В женском одиночном катании на золотую медаль претендовали я и три американские спортсменки: Мишель Кван, моя основная соперница, молодая Саша Коэн и совершенно неприметная Сара Хьюз. Я еще не понимала, что из платья вылезу, через голову перепрыгну — все равно буду второй. Объяснение очень

простое. В случае победы американка отправится в большое турне по всем штатам, а патриотически настроенный народ будет валом валить на ее выступления, выкладывая деньги за дорогостоящие билеты. Она же станет «лицом» спортивной одежды, обуви, напитков и принесет кому-то миллионы долларов. А если

Я была наивной, воспринимала жизнь как гонку за медалями, а свое место — только на пьедестале. И каждый раз шла на лед словно на амбразуру

выиграет Ира Слуцкая, девочка из России, кто и сколько на ней заработает?

К тому же наши фигуристы и так получили все медали: Леша Ягудин — золото, Женя Плющенко — серебро, золото в парном катании ушло к Елене Бережной и Антону Сихарулидзе, серебро в спортивных танцах — Ирине Лобачевой и Илье Авербуху. Даже из политических соображений никогда на Олимпийских играх все медали не достанутся одной стране.

Олимпийской чемпионкой стала Хьюз, так получилось, что первые две американки ошиблись на выступлениях и «вытянули» ее. Я знала, что выступила лучше Сары, и пыталась добиться справедливости. Твердила представителям федерации:

На соревнованиях юниоров: у меня (в центре) — первое место

— Ребята, ну посмотрите еще раз записи выступлений, убедитесь, что я права.

В ответ получала:

— Это не твое дело!

Мне и сейчас обидно, когда ради бизнеса золотые медали отдают девочкам-одндневкам. На следующий год, кстати, Хьюз заняла шестое место на чемпионате мира. Это было ее последнее выступление.

Они не знали, с кем разговаривают. Я же упертая. К тому же гормональная терапия давала замечательные результаты.

Тайком от всех убегала на тренировки. Каталась, а из глаз слезы градом. Помогала себе заклинанием: «Я обязательно вернусь в большой спорт, я не все сделала». И добилась своего — на следую-

между лопаток. Больно. Я подскочила на стуле:

— Что такое?!

— Кто так сидит перед камерой? Держи спину прямо!

На занятиях в «Останкино» не ценят студентов за бывшие заслуги. Для педагога я была не чемпионкой мира по фигурному катанию, а всего лишь обычной неумехой. Выпрямилась до боли в поясни-

Нашлись добрые люди, которые сказали: «Это ее предел. Выше не поднимется». А я знала, что еще буду первой. Не в моих правилах сдаваться

Я сильно переживала, что не стала первой на Олимпийских играх. Но уже в следующем, 2003 году поняла, что в жизни могут быть куда более серьезные проблемы. Сначала неожиданно заболела мама. Мы поехали с ней в Санкт-Петербург, где проходил финал Гран-при. Ночью в гостинице у нее случился сильный почечный приступ. Слава богу, все обошлось. А через несколько месяцев тяжело заболела я. Сначала не понимала, что со мной происходит, ноги отекали так сильно, что не могла от боли спать по ночам. Дошло до того, что муж на руках носил меня из спальни в ванную комнату.

Пришлось лечь в больницу. Врачи диагностировали серьезное заболевание сосудов. Как только почувствовала себя лучше, принялась выяснять:

— Когда смогу выйти на лед?

— Да ты что? Забудь о спорте навсегда. Ты свое откатала.

Этот год поехала на чемпионат мира в Германию. Заняла девятое место.

Конечно, нашлись добрые люди, которые сказали: «Это ее предел. Выше не поднимется». А я знала, что еще буду первой. Не в моих правилах сдаваться. В итоге вышла победительницей на чемпионате мира в Москве и седьмой раз стала чемпионкой Европы.

И все же как бы ни старалась оттянуть момент своего прощания с большим спортом, рано или поздно он должен был наступить. Все чаще стала задумываться о выборе новой профессии и поступила в Высшую школу кино и телевидения «Останкино». Чуждо все было. И удивительно. Прихожу на первое занятие по специальности и получаю задание: «Вот стол, вот камера, вот текст. Садись и читай». Села, положила руки на стол, и тут же острый ноготь преподавательницы вонзился мне

в плечо и подумала: «Господи, что за недоразумение? О чем она говорит? Я — спортсменка, разве я могу сутулиться?» Оказалось, что могу. Держать спину катаясь на льду и сидя перед камерой — совершенно разные вещи. Теперь у меня уже выработалась привычка примоститься на краешке стула. Маленькая хитрость, помогающая держать спину идеально прямой.

В то время телевидение еще не занимало всех моих мыслей. Большую часть жизни по-прежнему посвящала спорту: тренировалась, ездила в турне, на соревнования. Ненадолго возвращалась в Москву, сдавала зачеты и улетала на следующее выступление.

На Олимпийских играх в Турине наша сборная опять была лучше всех. Получили три золота и бронзу. В Россию вернулись национальными героями и тут же отправились в большой тур по стране. Зри-

тели встречали нас с распростертыми объятиями, заваливали цветами. Возле гостиниц милиционеры натягивали железные цепи, ограждающие нас от безумствующей толпы почитателей. Доходило до

смешного. В Ростове после выступления вышла на поклон, смотрю — народ на трибунах пальцами показывает и смеется. Не пойму, что происходит, а оказывается: какой-то мужчина присел на корточки

у меня за спиной и целует мои коньки.

Вернулась в Москву, думала, хоть здесь отдохну от нездорового внимания публики и журналистов. Не тут-то было: за мной, словно за ди-

Пришло серьезное разочарование, я поняла, что спорт лишь на малую часть — соревнование достойных. Это большой бизнес и политика

ким зверем, началась беспощадная охота. Утром выхожу во двор с собакой погулять и прямо кожей чувствую — кто-то следит. И на самом деле, стоит старая серая иномарка с грязными номерами, пыльными стеклами. Подошла поближе, и тут же водитель раз — и прилег, спрятался. Вечером возвращаюсь со съемок, машина все еще стоит. Откуда я знаю, кто меня поджидает? Если журналист, бог с ним. А вдруг маньяк? Звоню участковому:

— Леш, около моего подъезда какой-то мужик в машине сидит. Караулит.

— Спокойно. Сейчас проверю.

Через десять минут отзвонился, сказал, что увез подозрительного типа в отделение милиции. В другой вечер уже пять машин около подъезда и в каждой по журналисту с фотокамерой. Ждут, когда и с кем приеду.

На Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити. Тренер Жанна Громова старается меня утешить

Дошло до того, что в прессе начали обсуждать мои... щеки. Писали: я увлекаюсь сладостями, перестала следить за собой. На самом деле грушевидная форма моего лица — результат лечения сосудистого заболевания гормонами. С их помощью эта неизлечимая на сегодняшний день болезнь загоняется в стадию ремиссии. А гормоны,

однажды, после совсем уж наглой публикации, у него выиграла мужская ревность. Тогда мы сели и цивилизованно поговорили. Возможно, кто-то рассчитывал, что Сергей поведет себя иначе: кулаком по столу, ножом в сердце. Нет. Мы, слава богу, умеем находить общий язык.

У меня иммунитет, меня хоть фотоаппаратом, хоть

чит, любит! Помнит! Такие вот были у нас маленькие секреты.

Радовалась даже тому, что по утрам расстаемся, потому что знала: наступит вечер и мы снова встретимся. Хвостиком за Сережкой ходила. Куда он, туда и я. Если муж вдруг исчезал из моего поля зрения, выпытывала у него: «Ты сказал, что пошел погулять с собакой на двадцать минут. Прошло

Бесит, если люди живут за мой счет, пытаются как-то меня использовать. И не важно, идет ли речь о работе или дружеских отношениях

как известно, часто ведут себя непредсказуемо, вызывая тот или иной побочный эффект.

По большому счету меня не волнует, нравится ли мое лицо журналистам. Куда отвратительнее история о моем якобы любовном романе с Костей Хабенским. Один из журналистов выдумал, сотни подхватили. А почему бы и нет? Я вроде не страшная, вроде не дурная, вроде успешная. Вполне подходит для светских сплетен.

Почти восемь лет прошло с первой лживой публикации, а газетчики по-прежнему спрашивают:

— У вас действительно был роман с Хабенским?

Отвечаю:

— Нет. Мы просто хорошие друзья.

Не знаю, верят или нет, мне все равно. Моя совесть перед мужем чиста.

У Сережи и в мыслях не было устроить скандал и обсуждать эту сплетню. Только

скрытой камерой снимай, что угодно обо мне придумай — не напугаешь и не растопчешь, жизнь закалила так, что сама кого угодно затопчу. Задевать сердца и души моих родных и близких я никому не позволю.

Мы с Сережей женаты уже пятнадцать лет. В первые годы даже не любовь была, а страсть безумная. Вплоть до того, что на стенах лифта в доме, где мы тогда жили, карандашом писали друг другу любовные послания. Кто выходил из квартиры первым, тот и запечатлевал слова любви. А тот, кто ехал вторым, должен был найти их и стереть. Однажды, помню, Серега ушел на работу. Я — за ним. Беру ластик, захожу в лифт, ищу послание. Нет ничего! Как? Забыл? Разлюбил? Спустилась на первый этаж, звала другой лифт, их у нас два — грузовой и пассажирский. Слава богу, нашла. Зна-

полчаса. Где был?» Выяснилось, что собака поводком за дерево зацепилась и Сережа ее освобождал.

Потом начала понимать: если не давать мужу проходу, приставать со своими «ути-пути» и «ми-ми-ми», он от меня в два счета с ума сойдет. И перестала.

Опять же раньше то и дело звала Серегу в театр:

— Давай посмотрим «Вишневый сад».

— Не хочу, неинтересно.

— Да ты что?! Ты не прав. Надо идти.

Сначала настаивала, а потом бросила: мой муж — настоящий мужик, у которого есть личные интересы, хоккей например. Он молодец, несмотря на занятость (Сережа руководит нашим семейным бизнесом), находит время заниматься любимым спортом. И мне это нравится, в рамочке на моем письменном столе даже стоит фотография его команды.

Не открываю тайком Сережин компьютер, чтобы проверить, над чем он работает. Не изучаю записную книжку в телефоне мужа. Не спрашиваю, кто в два часа ночи отправил ему эсмэску. Я уважаю его личное пространство.

Даже если в Сережиной жизни появится другая женщина — он сейчас как раз в том возрасте, про который говорят: «седина в бороду, бес в ребро», — не думаю, что сочту

это предательством. И уж точно не стану разрушать нашу жизнь до основания. Но при этом уверена: если судьбой суждено расстаться, значит, так и будет. А то, что построенное на крови и костях, никогда не принесет счастья. От надоедливых и беспардонных жен, кстати сказать, чаще всего и уходят.

Да и какой смысл ревновать? Ну появится у него другая — и что я смогу сделать? Какой смысл биться головой

о стену? Или набрасываться на мужа с кулаками: «Ах ты, гад!» Это раньше отчаянно переживала каждую нашу размолвку, а сейчас, после пятнадцати лет совместной жизни, когда мы по-настоящему сроднились, стала намного спокойнее.

Да мне, честно говоря, и некогда устраивать сцены. Просыпаюсь в пять утра. В семь уже вхожу в проходную «Останкино». Два часа занимает подготовка утреннего выпус-

Меня не растопчешь, жизнь закалила так, что сама кого угодно затопчу. Задевать сердца и души моих родных и близких я никому не позволю

Для мамы я всегда остаюсь ребенком

ФОТО ИЗ АРХИВА И. СЛУЦКОЙ

ка новостей на Первом канале. В девять иду гримироваться, в десять — первый эфир. Потом перерыв, подготовка новостей, в четырнадцать часов — следующий эфир. Опять подготовка новостей, и третий эфир в восемнадцать часов. В двадцать один час, в лучшем случае, с учетом пробок на дороге, я дома, с мужем и детьми.

на». Можно было подумать, что ей помогали какие-то высшие космические силы.

Благодаря докторам моя беременность прошла без осложнений. Я даже работала в «Ледниковом периоде», пугала съемочную команду своим огромным животом. Они со мной как с писаной торбой носились, а я шутила: «Не беспокойтесь: я родилась на конь-

Михайловна Сидельникова...» У меня просто руки опустились. Как могло получиться, что из-за чьей-то безответственности из жизни ушла замечательная женщина, врач Божьей милостью?! Не только для меня, для всей нашей страны это страшная трагедия.

Мою вторую беременность вели Ирина Анатольевна Стадник и Лейла Владимировна

Такая в шоу-бизнесе тенденция: если другая известная персона спит с миллиардером, считают, что и я поступаю соответственно

Артему — семь лет, Варе — четыре, не маленькие уже ребята, а я до сих пор не могу поверить в чудо их появления на свет. В тот злополучный год, когда заболела васкулитом, врачи предупредили: «Не хотим вас пугать, но существует большая вероятность, что у вас не будет детей». Страшные слова. Не хочется вспоминать, что тогда пережила.

Через четыре года я забеременела. Виктор Иванович Аниканов, врач нашей команды, очень дорогой мне человек, устроил в Центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени Кулакова, в отделение невынашивания беременности. Вели меня три врача-акушера: Анна Очан, Ирина Анатольевна Стадник и Вера Михайловна Сидельникова, заслуженный врач России. У Веры Михайловны рожали даже те, на ком остальные врачи поставили клеймо «бесплод-

ках. Что конек, что каблук — без разницы».

Пришлось лечиться в больницу — там мне сделали плановое кесарево сечение, поскольку при моей болезни запрещено самостоятельно рожать. И на свет появился наш Артем, потрясающий мальчишка.

Мы с Сережкой мечтали о втором ребенке, девочке, даже высчитывали дни, чтобы получилось наверняка. Забеременела, но на этот раз не спешила к гинекологу, у меня уже был опыт, что нужно делать, как себя вести. Наконец собралась на прием, взяла телефон, чтобы позвонить Вере Михайловне, договориться. Одновременно взглянула на экран телевизора, он у нас дома постоянно фоном работает. А там срочный репортаж: «Сегодня утром на Ленинском проспекте лоб в лоб столкнулись две машины. В результате аварии погибла врач Вера

Адамян, замечательные доктора. В четыре руки принимали Вареньку, доченьку мою золотую.

Для меня нет ничего счастливей времени, проведенного с детьми. Если удастся приехать с работы пораньше, ужинаем всей семьей. Когда они уже в постелях, читаю им стихи, рассказываю сказки или забавные истории собственного сочинения. Если возвращаюсь после десяти и ребята уже спят, а у нас строгий режим, несусь в детскую посмотреть на их сладкие мордочки.

В те дни, когда нет эфира, не валяюсь в постели до полудня. Встаю рано утром, везу Варю в садик или Артема на хоккей. В выходной еду с ними в парк или в театр на утренний спектакль. Если вечером стоит выбор пойти на светскую вечеринку или остаться дома, выбираю второе. Разве можно предпочесть детям презентацию сумок или

часов, пусть даже украшенных черными бриллиантами?

Меня часто приглашают на разные мероприятия, но я выбираю только те, где смогу почерпнуть что-то полезное для ума или души. Например, с удовольствием хожу на цирковые шоу, которые устраивают Эдгард и Аскольд Запашные. Не только потому что люблю их всем сердцем, но и потому что они делают качественные и профессиональные представления. У Аскольда просто какой-то мегамозг, выдающий на-гора огромное количество оригинальных мегаидей! Смотришь и воодушевляешься.

Я люблю учиться, это мое сильное качество. Оно помогло мне и после завершения спортивной карьеры. Не задавалась вопросом: «Ой, а что мне теперь делать? Я ничего не умею, всего боюсь». И когда продюсеры Первого канала пригласили вести телешоу «Звезды на льду», сразу же согласилась.

Моим соведущим был Женя Плющенко, человек, которого знала уже много лет, с которым объехала половину земного шара. У нас были ровные доброжелательные отношения, и от нашей пары никто не ждал подвоха. Но оказалось, что я настолько привыкла находиться на льду в гордом одиночестве, что даже встать рядом с Женей было для меня сложно. Часто выслушивала упреки: «Ира, что ты все время отодвигаешься? Встань поближе, а лучше обопришь Плющенко на

руку». Так и делала, а про себя думала: «Я на льду — королева. Зачем мне за кого-то держаться?» Понятно, что с такой установкой многого не добьешься. Пришлось преодолевать свое зазнайство, учиться работать в паре.

Были у нас с Женей и общие проблемы. Не знали, как стоять перед камерой, как смотреть в глазок объектива. Не умели складно говорить, даже не все слова могли выговорить с первого раза. Лишний раз убедилась на соб-

ственном опыте: на одних теоретических знаниях, даже полученных в школе «Останкино», далеко не уедешь.

Постепенно мы втянулись в процесс съемок, даже почувствовали удовольствие от работы. Да и общая атмосфера на

Часто выслушивала: «Ира, обопрись Плющенко на руку». Так и делала, а про себя думала: «Я на льду — королева. Зачем мне за кого-то держаться?»

проекте была очень приятной, все друг другу радовались, в ладошки хлопали. В отличие от спортивных соревнований, где каждый сам за себя, в «Звездах на льду» царила очень дружеская обстановка.

В «Ледниковом периоде» меня пригласили принять участие в соревнованиях, предложив в партнеры Гедиминаса Таранду, замечательного артиста балета, хореографа. Признаться: смутило, что Таранда плохо катается. Привыкла на льду полагаться только на себя, а в этом случае становилась полностью зависимой от неопытного партнера. Да и времени на репетицию дали катастрофически мало — всего один день. А потом подумала: «Ничего страшного, справимся. Заодно получу новые знания» — и согласилась.

Помню, как Таранда первый раз вышел на лед. Так смешно переставлял ноги, что мы с тренерами смеялись до слез.

На съемках телешоу «Звезды на льду»

Гедиминас не обиделся, у него прекрасное чувство юмора. Хохотал вместе со всеми. Учились мы оба: Таранда — не падать на льду, а я — новой технике катания. Одиночница оттолкнулась коньком, половину катка проехала, а тут — держи его за руку, аккуратно поворачивай, подтягивай, разворачивай, помогай вовремя остановиться.

«Ледниковый период», каталась лучше Гедиминаса, но не очень уверенно. Однажды предложила: «Ир, давай договоримся. Когда буду к тебе подъезжать, подставляй локоточек, чтобы я могла за него зацепиться». Так и делала. Но и это не помогало. Выставляю руку, а Настя мимо проедет. В другой раз обопрется на меня, я не устою и мы вме-

слова появлялся набор строчных и прописных букв (последние служат дикторам подсказкой — на них надо делать ударение). Настоящая «абвгдейка». После эфира может выясниться, что это была фамилия иностранного футболиста, впервые «засветившегося» на российском телевидении. Тут же принимаюсь заучивать ее наизусть, чтобы

Выхожу во двор с собакой погулять и прямо кожей чувствую — кто-то следит. Стоит серая иномарка. Водитель раз — и прилег, спрятался

Когда Гедиминас немного освоился, возникли новые сложности. Дело в том, что у фигуриста во время скольжения ступни завернуты внутрь, колени полусогнуты, а у танцовщика — ступни вывернуты наружу, колени выпрямлены. Если Таранда по привычке ставил ногу в третью позицию, надо было как можно быстрее его отпустить, иначе убился бы сам и меня покалечил. Без падений все равно не обошлось, я и головой вниз летала, и Гедиминас всем телом на меня падал. За время тренировки все успели: и повеселиться, и поругаться. Зато поддержки Таранда выполнял безукоризненно. И как танцовщик классно все отыгрывал. В итоге откатали свой номер прекрасно. А он у нас был сложный, мы ведь покусились на классику, исполнили пародию на «Белое адажио» из «Лебединого озера».

Настя Заворотнюк, с которой мы вели очередной

сте вывалимся из кадра. Приходилось каждый раз актерски обыгрывать ситуацию, это нас и спасало.

К этому времени уже чувствовала себя перед камерой более или менее спокойно, все-таки появился опыт. К тому же я три года отучилась в Российской академии театрального искусства на актерском факультете, даже играла в спектаклях «Удачная сделка, или Сватовство» и «Антигона — Vsegda», в сериале «Жаркий лед». Но все равно той уверенности в своих силах, с которой выходила на соревнования по фигурному катанию, я не ощущала.

Даже сейчас, после трех лет работы ведущей спортивных новостей, у меня во время прямого эфира потеют ладони. Никогда не знаешь, какая непредвиденная ситуация произойдет в студии. Сколько раз на экране суфлера вместо какого-то

в следующий раз произнести без запинки.

Есть, конечно, и свои маленькие хитрости. Одной из них меня научила актриса Катя Гусева. Мы с ней подружились на проекте «Звезды на льду», она каталась в паре с фигуристом Романом Костомаровым. Катя, посмотрев на мою работу в студии, спросила:

— Хочешь, подскажу, как выглядеть на экране профессионально?

— Еще бы.

— Смотри на гостя влюбленным взглядом.

— Кать, это как?

— Считай его реснички.

Попробовала — действительно помогает!

И все же работа не является для меня самым главным в жизни. Люблю свой дом. И дети, и Сергей тоже. Строили мы его долго, три года. Начали, когда я забеременела сыном, а въехали, когда родилась дочь. Зато сделали все

так, как нам хотелось. К тому же мне посчастливилось: период обустройства пришелся на время декрета и я впервые за долгое время была полностью свободна. Вот уж порадовала свою душеньку по полной программе! Ездил по строительным рынкам, выискивала обои, керамическую плитку, карнизы, светильники. Не сосчитать, сколько килограммов тканей привезла из Иерусалима. Мне еще в Москве привиделись кухонные шторы, сшитые из нескольких частей: в центре однотонная жеваная материя, а по бокам цветная, с бисером и блестками. Купила такую на арабском рынке. Принесла портнихе. Как же я ее замучила! Шить не умею, а объяснить свою задумку надо. До сих пор поражаюсь, как она смогла меня понять и выполнить заказ!

И вот занавески готовы. Настает торжественный момент водружения на карнизы, а окон пять, и все в виде эркеров. Я встала посередине кухни и принялась командовать домочадцами: там подтяните, там опустите. За два часа мозги всем вынесла, но все-таки добилась своего. Такой характер — пока задачу не решу, никому спуска не дам.

Были моменты, о которых неловко даже вспоминать. Однажды подошла к малярам:

— Я бы хотела зелененькую комнатку. Под цвет люстры.

— Ладно, ждем краску.

Привожу из магазина десять маленьких баночек с об-

разцами цвета, отдаю малябрам: «Красьте полосами по стене. Я потом посмотрю и решу, на каком оттенке остановимся». Пошла погулять, возвращаюсь — вся комната в полосочку.

— Выбирайте.

— Этот — слишком темный... Этот — слишком светлый...

Культурно, ложечкой, всех подала, подала, а я — женщина беременная, спорить со мной нельзя.

— Так что берем?

— Не знаю...

Через несколько часов маляры от меня с ума сошли. Наверняка думали: «Вот задолбала!» Наконец я скомандовала:

— Закрашивайте все белым цветом.

— Каким?

У Сережи и в мыслях не было устроить скандал. Только однажды, после совсем уж наглой публикации, у него разыгралась мужская ревность

— Белым! Когда высохнет, начнем все заново.

В итоге по капле добавляли зеленую краску в белую, искали нужный оттенок. Сделали вариантов двадцать, пока нашли то, что нужно.

— Вот такой намешайте.

— Да вы что? Как мы его сделаем? Опять по новой краску разбавлять?!

— Придется.

Довела строителей до безумия. Сейчас думаю: разве стоило так людей мучить?

Отдельная история, как строили трехметровую кровать. В нашем с Сережей предыдущем доме (мы его купили уже готовым, а потом продали) верхний этаж был оформлен как лофт. Мне нравилось, что там много света, воздуха. Когда строили новый дом, захотела такой же этаж — с деревянными полами, каменной стеной, железными навесами крыши. Решила, что получится

«Желтая» пресса много писала о нашем «романе» с Константином Хабенским